

ЕВРАЗИЯ

Повесть

НИЩЕБРОД

А что было вчера?

Какой-то их праздник... Доктор разрешил погулять.

По Тверской ехали «Три богатыря», словно с картины Васнецова. «Бо-га-тыр-ская наша си-ла, — звучала над Москвой знакомая песенка, — сила ду-ха... И сила во-ли». Дальше заиграли «Половецкие пляски». Поскакала орда Мамая в лисьих шапках. Пахнуло лошадиным навозом.

Люди машут сине-зелеными флажками. В белой бурке, в высокой папахе гарцует на вороном коне господин с приятным тевтонским лицом, с крошечными усами. Барон Врангель? Следом — казаки под эрефийским триколором.

«Любо, братцы, любо... Любо, братцы, жить», — несется из усилителей.

А за ними — конница Буденного. И сам комдив Чапаев, тоже в бурке, но с длинными усами и с шашкой наголо. «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед...»

«...Тебе, любимая, родная армия!» — подпекает стоящий рядом мужчина в бежевой вязаной шапочке. У него неестественно черная борода. А усов нет совсем.

Значит, некоторые ходят с бородой? Почему доктор сказал, что нельзя?

«...А вместо сердца — пламенный мотор!» Летят над Кремлем в парадном строю истребители. Наверное — шестого поколения.

Есть захотелось. Пробрался сквозь толпу ликующих горожан, туда, где девушка с лицом Шехерезады, в высоком кокошнике продает «пьянсе». Это такие корейские колобки.

— Дед, тебе с «кимчи»? Или так?

Они всем говорят «ты».

— Давай «перстенок»!

«Перстенок» — социальное кольцо. Нужно приложить руку к сканеру для оплаты.

В голубом небе — фейерверк. Прямо среди бела дня. Никогда такого не видел! Расцветают над Москвой китайские хризантемы салюта.

Едет конная полиция в красивой летней форме. Люди машут флажками, приветствуя своих защитников.

«Иван Герасимович Югай», — написано на бейджике у врача. Интересно, он кореец? Или якут? Чукча?!

Виталий Германович Орлов (Рысев) родился в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1955 году. Учился на философском факультете Уральского государственного университета, затем на историческом факультете в Луцке (Западная Украина). Прозаик, драматург. Публиковался в журнале «Современная драматургия» и региональных изданиях Урала и Казахстана. Преподавал историю в средних и высших учебных заведениях, был научным сотрудником ряда музеев. С 2000-го по 2017 год служил настоятелем в храмах Владимирской епархии РПЦ. Живет в Москве.

— Я этнический кореец, — говорит Иван Герасимович. — Вы можете писать о чем угодно. Главное — вспомнить себя.

Какой уютный кабинет. Полумрак. Кушетка как у психоаналитика. Может быть, он психоаналитик?

— Хотите — пишите от руки. Хотите — печатайте на планшете. Говорите на диктофон. Главное — вспоминайте. Все, что в голову придет. То, что было в детстве. И что было вчера. Вы двадцать восемь лет своей жизни не помните. Да и остальные шестьдесят помните смутно... Кстати, бриться теперь надо каждый день. И еще — покрасить волосы.

Сам доктор Югай не молод. Но волосы у него прямо вороные. Похож на обновленную версию Туркмен-баши.

— В социальном кольце — вся информация о вас. Сюда зачисляют пенсию. Отсюда списывают налоги. Деньги называются «ал-тын». Запомнили? «Алтын». Все платежи — только через кольцо! А это... — Югай встал, выглянул из кабинета — не болтается ли кто в коридоре — и достал зеленватые пачки со знакомыми портретами. — Это валюта одного иностранного государства. Используется в исключительных случаях. В народе именуется «бабосиками». Остались от продажи вашей квартиры. Мы, конечно, вычли плату за лечение. Но их нельзя никому показывать. Хранение наличных денег может привести к блокировке... Что-нибудь новое вспомнили?

— Пока — хаос какой-то...

— Сегодня я дам некоторые подсказки... Хотя сам о вас знаю немного. Ну все же... — Югай полистал планшет и зачитал: — «В парке Сокольники найден дедушка. Как звать, — сказать не может». Опубликовано на Фейсбуке летом восемнадцатого года. Вас привели незнакомые люди. Они, видимо, и разместили объявление. Сказали, что вы сидели на скамейке, недалеко от больницы. В прострации...

— Ничего я не помню.

— Я дежурил в тот день, — продолжил Югай. — У вас в руках был рюкзачок, со швейцарским крестом. Такой тогда многие носили. Вы вцепились в него и не хотели отдавать. Вам сделали укол, вы расслабились, и я смог его осмотреть. Там была папка, формата А4. В ней — документы, Паспорт, социальная карта... И «Договор купли-продажи». Похоже, вы расстались со своей квартирой по адресу Олений Вал. Еще — довольно приличная сумма в долларах. Конечно, по тем временам. Сейчас инфляция и доллары подъела. Ничего не вспомнили?

— Нет.

— После инъекции вы говорили. Некоторое время... Объясняли, что должны срочно ехать куда-то в Ивановскую область. Просили отпустить. Рассказывали, что вас экскаватором ударило. Или — какой-то омоновец — дубинкой хватил. Трудно понять. Говорили: «Болит голова». Но никаких травм не было. Снова сделали укол, и вы впали в вегетативное состояние. И начали говорить и вести себя разумно — месяц назад. Через двадцать восемь лет.

— Я очень признателен. Ведь вы сто раз могли меня на улицу выбросить.

— Не скрою — возникало такое искушение. Но мне был интересен ваш случай.

— Я, как на машине времени, перенесся...

— Да, похоже. Теперь — пора адаптироваться. Алтын от вашей пенсии скопилось достаточно. Ее переводили регулярно. Сначала — на карту. Потом, когда возникла Евразия, — на кольцо. На них вы сможете снять капсулу или даже квартиру. Конечно, на первое время... И все, что вспомните, записывайте. Память восстановится, хотя и не полностью. Я вам на «матрешку» сбросил контакты знакомой риелторши. Она предложит варианты квартиры. Послезавтра — ко мне на прием.

«Матрешка» — такой евразийский гаджет. Довольно большой.

...Раз свободен — надо, первым делом, в чебуречную на Сухаревской. Существует ли еще чебуречная на Сухаревской? Она была там всегда. И в советское время. И в постсоветское. И в ИХНЕЕ... должна быть.

Есть. Едва узнал! Но — есть.

Конечно, изменилось все. Даже лучше стало. Раньше люди стояли, теперь, пожалуйста, можешь сидеть за деревянными столиками. По стенам — какие-то рушники и назидательные надписи в рамках: «Поднесли, так пей!», «Пей, да дело разумеи!», «Все полезно, что в рот полезло!», «Поститесь на здоровье!».

На столах — искусственные цветы приятного салатного цвета и маленькие баннеры с текстами молитв — «до» и «после» трапезы. Ну перед едой — понятно: «Отче наш» и «Богородица». А вот после: «Благодарим Тя...» и «Достойно есть...» — некоторые нетвердо знают.

Чебуреки предлагаются разные. С капустой. И с египетским горохом — хумусом. С очень полезными грибами — вёшенками.

— Мне пиво... И рыбку какую-нибудь...

— Деда, ты не охренел? Рыбку ему... Возьми водки. И крабовых палочек. Водка на пиво — выходит диво!

Буфетчица благодушная такая. Почти советская.

— За все — четыре алтына. «Перстенок» сюда прикладывай, Альцгеймер!

Палочки бело-оранжевые. Совсем как раньше. Водка в стакашке-мерзавчике. Удобно! Открыл и пей. А пиво — так вообще в стеклянных кружках. Не то что в «КФСИ» было когда-то — вихлястые пластиковые сосуды. И кружки мыть им не лень... Молодцы! Да плюс два капустных чебурека. Всего — четыре алтына.

Из откупоренного мерзавчика слегка пахнуло ацетоном. «Разрешал ли доктор пить?..»

За столиком возникла девушка. «Водка на пиво...» Не было ее. И вдруг — возникла.

Сразу, не молясь, опрокинула стаканчик. Ест чебурек.

Тоненькая... Словно кукла Барби. И одета не похоже на окружающих. Вельветовые джинсы, приталенная клетчатая рубашечка. Кроссовки, вроде «Найк», раньше такие были. Размер где-то тридцать шестой. Прическа — в шестидесятых сказали бы «сэссун». Многие одноклассницы так стриглись.

The girl with green eyes,
in the Rolling Stones shirt...

Red Rose Cafe

На костяшках руки у нее наколка. Не «тату», а именно наколка. Неровная, словно выцветшая. «Маша» или «Саша». Нет, «Маша».

А кто она, эта «Маша»? Может, моя «берегиня»? Был в семидесятые годы такой писатель — Орлов. У него в романе «Аптекарь» жители района Останкино купили водку кашинского разлива. А из бутылки вышла приятная женщина — Берегиня. Что-то вроде ведьмы, только — наоборот.

То есть она делала своим подопечным не плохое, а в основном хорошее. Не знаю, это фольклор или Орлов сам придумал. Произошло все возле пивного автомата на улице Королева. По московским меркам — недалеко.

Я смотрю из-под темных очков — похожа ли «Маша» на берегиню? Чем больше познаю местное пиво — тем больше похожа... Интересно, есть ли в Евразии пивные автоматы?

«Маша» ведет себя как-то заинтересованно, будто я ей не чужой.

В чебуречной негромко бормочет радио: «С ракетного комплекса „Байтерек“ стартовал космический корабль „Сункар“... Ожидается рекордный урожай... „Зенит“ опять проиграл „Ахмату“...»

— А по-моему, неприлично ходить небритым, — это говорит «Маша», как бы ни к кому не обращаясь. — Вас могут принять за нищелюба. Знаете, сколько дедушек пропадает? Вам надо покрасить волосы или побрить голову...

Только доктор обращается здесь ко мне на «вы». И вот эта «Маша».

— И в футболках нормальные люди не ходят.

Действительно. Мужчины здесь в основном носят отглаженные такие рубашечки. С короткими рукавами. И брюки — со стрелочкой!

— Я рубашку, по-вашему, должен каждый день гладить?

— Некому погладить, что ли?

— Я еще с ума не сошел — летом, днем, в глаженной сорочке ходить.

— Футболка — почти нижнее белье. А дальше — и совсем опуститься можно... У вас кто-нибудь есть? Родственники?

— Не знаю... Не помню ничего.

— Понятно. Но все-таки возьмите себя в руки. А то как-то некомфортно на вас смотреть. Правда, что ли, никого нет?

— Я не помню.

— Деменция?

— Вегетативное состояние...

— Это как?

— У меня была травма, и я стал... чем-то вроде растения. Сейчас меня выписали. Но я мало что помню. Только смутно — какие-то медсестры. Уколы... Еще — лекарствами пахло.

— И сколько вы были в таком состоянии?

— Двадцать восемь лет.

— А сейчас вам сколько?

— Восемьдесят восемь.

— Выглядите где-то на шестьдесят пять. Интересно все это... Мне идти надо. Хотите, контакты сброшу? Давайте «матрешку».

«Маша» берет мою «матрешку». Нажимает что-то.

— Все. Теперь не потеряетесь.

Парень улицей идет.
Парню девяносто лет.
Тот же свет над головой,
То же небо и рассвет.

Зачарованно глядит
В радуги волшебный свет,
Все у парня впереди,
Парню девяносто лет.

Группа «Пикник»

Я родился в 1958-м. Я утратил память в 2018-м. Сейчас 2046-й.

Только жаль непрочных стен,
Улиц, стертых в порошок,

Ну, а так-то что ему?
Так бы шел себе и шел.

«Пикник»

Что я помню, последнее?
Экскаваторы...
Моложавые женщины в возрасте. Приличного вида мужчины с бородками-щетиной, как тогда было принято.
Непреклонные лица ОМОНа.
Экскаватор бьет ковшом.
Кто-то — прямо в глаза с айфоном, снимает...
Сокольники. «Егерский пруд». Улица — Олений Вал. Кажется, я там жил.
«Сокольники, Сокольники... любимые мои, — заливаются сладостный послевоенный тенор. — Аллейки тополиные. Ночные соловьи».
Что-то не припомню я там «тополиных аллеек».

Люблю я вас, Сокольники,
Зеленая родня,
В коляске, в дни младенчества,
Катали здесь меня.

*Композитор — Юрий Милютин.
Слова — Сергей Островой*

В Москве хорошо. В Москве всегда было хорошо. В остальной стране не очень, а в столице — получше.

А потом стали сдирать удобный, шершавый, пружинящий асфальт и класть скользкую плитку. Сколько людей на ней расшибалось в гололед. В Москве большая часть года — гололед.

А в парках заменили удобные сталинские скамейки, на которых не скапливается вода и отдыхает спина, на дурацкие, конструктивистские. На их плоских сиденьях — лужи, — потому что в Москве почти всегда снег или дождь. Сидеть на них могут только манекены, — сразу болит спина, хочется встать и уйти.

А куда уйдешь из Москвы? Ну, скажите куда? За МКАДом, может, и нет ничего...

Плиткой заложили все водостоки. Улицы Москвы после дождя превращались в горные ручьи. Москвичам понадобились не только зонты, но и сапоги. СМИ сообщали: «Небывалый тропический ливень обрушился на столицу...»

«...А просто — летний дождь прошел. Нормальный летний дождь.»

...Прибыли орды с востока в строительных жилетах.

Перекрыли улицы. Начали ломать все. «Благоустройство, однако...» Китайский урбанизм. И жизни в Москве не стало.

Ну ладно. Это можно было бы перетерпеть, если б не носили дома...

Я даже на митинг пошел тогда.

Вообще, я давно не ходил на митинги. Неинтересно.

Загончик огороженный. Милиция. Иногда — с собаками. Колонны протестующих: ЛГБТ. «Яблоко» во всей красе. Гламур... Все радостные, с хорошими лицами.

А на том митинге лица были нехорошие. Энергия гнева захлестывала уже в тоннеле на Сretenском и выносила на забитый до отказа проспект. «Я к батарее себя прикую!» — кричал взъерошенный, давно не спавший мужчина. «Снесите тогда вместе со мной!»

— Я под экскаватор лягу, — тихо, доверительно говорил знакомый пенсионер и показывал карту, где хорошие кварталы были помечены красным.

— И ведь ляжет! — восклицали женщины в спортивных костюмах. На рукавах у них были повязки из красно-белой строительной ленты. А на спинах — знак. Перечеркнутый олень.

Народ напирал. Метро извергало людей на проспект, словно вулкан, плюющийся серой лавой. Никто не пел: «Возьмемся за руки друзья!..» Похоже, тут все было серьезно.

Я и сам стал постепенно загораться, когда увидел на карте — помеченный красным Олений Вал.

«Так вот оно как! Приглянулись им наши Сокольники!»

— А куда переселять-то будут? Рядом с домом?

— Хрен вам! — кричала полная дама с палками для скандинавской ходьбы. — А за МКАД — не хотите?!

— В ТиНАО... За сто первый километр! В Калужскую область!! — слова одно страшнее другого звучали в толпе.

Особенно inferнальным казалось это никому не понятное ТиНАО!

Студенты развернули огромный плакат: «РЕНОВАЦИЯ = ДЕПОРТАЦИЯ!»

«Дарига Медведева. Риелтор», — высветилось на экране моей «матрешки».

Обычно евразийцы говорят по телефону, как сомнамбулы, вещая в пространство. В ухо вставлены наушник и микрофон, а пульт в кармане.

Но я по старинке говорю в книжку смартфона. В чебуречной становится шумновато.

— Куркино? Какое Куркино? — щебечет юная Дарига. — Куркино — хороший район. Может, тебе Остоженку еще? Нет?! Пост 81-й Километр. Да, с Ярославского... Там две ветки. Можно еще и до Икши доехать!

— Зачем мне до Икши? Что мне там делать?

— Ну, мало ли... Кто вас, пенсов, знает. Гулять, например... Хорошая капсула, почти квартира! Замкадье — рай для пенсионеров. Приезжай и посмотри. Я встречу... Давай! Джакши! (Хорошо! (кыргызск.)).

Еду на вокзал в метро.

Мужчина напротив, с усталым, нервным лицом авиадиспетчера, как будто смотрит на меня. Вообще, у евразийцев такая манера, смотреть друг на друга пристально, будто мазать тряпкой по лицу. Да не на меня он смотрит, а на соседа. Такого же, как он, усталого бедолагу.

Вскакивает. Хватает за руки. Кричит:

— Руки убери! Не ори на меня, тварь! — агрессивный распаляется все больше, при этом его жертва сидит безмолвно. — Я тебя насквозь вижу! Не вывертывайся! — у нападающего начинает идти изо рта пена.

Сосед, тихонько пыхтя, пытается освободиться.

Через дверь между вагонами заскакивают два полицейского. Один — с ходу хлопает бузотера шокером. Ему заламывают руки и вышвыривают на ближайшей станции.

Рядом со мной — молодежавшая старушка, с георгиевскими ленточками в косичках. Говорит, ни к кому не обращаясь:

— Это из-за нарушения поста. Ел мясо. Ел! Вот и бесится. Объявлен всенародный пост, — прокомментировала она. — В связи... (Я так и не понял, в связи с чем... В общем, из-за угрозы нападения врагов.)

А зачем объявлять пост? Он и так есть. Петровский... Рыбу вкушать можно. Но у них ишь как строго! Только крабовые палочки...

Женщины здесь — страшненькие! Не то что «Маша»...

Ходят в каких-то гопнических штанах, вроде треников. Или — советских кальсон. И в кедах. В корейских кедах! Ноги почти у всех кривые. Прямо сочувствие вызывают.

И почти все — лопухие. Или так кажется? Прически у девушек — с выбритыми висками. Уши жутко торчат. Как у нетопырей.

Здесь не любят стариков и инвалидов. Называют их пенсами и уродами.

Здесь очень много охранников. Наверное, четверть взрослых мужчин.

Здесь говорят матом. Не ругаются, а говорят.

Матом кроют младенцы из прогулочных колясок. Матом глаголют почтенные старики, хотел бы я сказать. Но здесь нет почтенных стариков.

«Вегетативное состояние проявляется в том, что человек бодрствует, не проявляя признаков самосознания...»

«Если человек находится в постоянном вегетативном состоянии, вероятность восстановления очень низка, но не исключается».

Электричка старенькая. Такие еще во времена присоединения Крыма ходили. «Рекс» называется. И нарисована собачка. «Рекс» — это РЕгиональный ЭКСпресс. Хотя останавливается у каждой платформы.

Еду к Дариге, на 81-й Километр, смотреть капсулу.

Возле Маленковской мелькнули изрядно поредевшие кущи Сокольников. Путяевский пруд. Огромные корпуса громоздятся возле некогда пустоватого «Северянина».

Тарасовка, похожая на Харбин. Непонятно, когда закончится Москва и начнется Замкадье.

В вагоне чисто. Никто не попрошайничает, на гитаре не играет, как раньше; всякую ерунду не продает. Вообще никто ничего не продает.

За окном — много храмов Божиих. И восстановленных, и вновь построенных. Некоторые, взирая на храмы, осеняют себя крестным знамением.

Показалось, что по вагону прошла «Маша» из чебуречной. Поезд качнулся, и «Маша» чуть не задела меня рукой.

Но была ли это она? Или просто девушка, похожая на нее. Или следствие «водки на пиво»...

На остановке Ашукинская небольшой инцидент. Кого-то ловили. Испуганный человек с сумкой пробежал по вагонам. Его догнали полицейные. Скрутили, куда-то повели вдоль путей.

— Редиску продавал, — объяснила худенькая женщина со смиренно поджатыми губами. — Нажиться хотел.

Прошли школьники и школьницы с зайками-мишками на рюкзаках. Все в красивой, темно-синей форме. Посмотрели взрослыми, неприятными глазами. Как ножом полоснули.

Раньше тоже была форма... У мальчиков нечто, похожее на гимнастерку, но из серого, плотного сукна. Золотые пуговицы. Ну, желтые, конечно, не золотые. Надень такую без ремня — жалкий вид. Поэтому боялись, чтобы одноклассники не отняли ремень. Без ремня как опущенный. А с ремнем — орел. Бляха на ремне здоровенная. Ударишь — больно. Ее тоже, как и пуговицы, полагалось чистить зубным порошком. А ремень — из настоящей толстой кожи. Где такую брали?

Им можно было щелкать. Походило на пистолетные выстрелы.

«Деменция — старческое слабоумие...»

Проплыла за окном лавра преподобного Сергия. Пассажиры перекрестились, творя молитву Радонежскому Чудотворцу.

Некоторые терли ладонями лицо, словно умываясь. Но это скорее относилось к мечети, расположенной неподалеку.

Серые бетонные дома громоздились и на 81-м Километре. Но платформа казалась пустынной. Только юная Дарига, словно «тополек мой в красной (а точнее, в зеленой) косынке», издалека махала рукой.

Заросли борщевика возвышались вокруг. Среди них к домам шла тропинка.

— Платформа рядом — большое преимущество! — Дарига, пылая энтузиазмом, вела меня к бетонным уступам.

Борщик был в рост человека. Какие-то злые дети бродили под его огромными зонтиками, словно пигмеи по саванне.

Мы поднялись на четвертый этаж. Лифт в двадцатипятиэтажке не работал.

— Четвертый этаж — тоже преимущество!

— Не капсула, а почти квартира. — Дарига открыла помещение, похожее на просторный стенной шкаф. — И посидеть есть где... Все-таки — Замкадь! Не Тверь какая-нибудь... — напевала она. — Не потеряй карточку. Дубликата нет. Открывает и подъезд, и квартиру.

Я с трудом вылез на крошечный балкон.

— Вообще-то, это не балкон, а ящик для кондиционера, — уточнила риелторша. — Но постоять можно. Воздухом подышать. Кондиционера все равно нет.

Высотные корпуса нелепо возвышались над заросшими сорняками пространствами.

— Дома построили еще в двадцать четвертом. Но продать не смогли. Квартиры выше пятого этажа не заселены. — Дарига становилась откровеннее. — Мусоропровод не работает. Помойку вывозят регулярно.

— А вай-фай?

— Интернет нужен? Налог платить? Перстенок все спишет и посчитает.

— Но... информация?

— ТВ — десять каналов. И для пенсов канал есть... Ну как?

— Пока — на месяц.

— Плюс месяц — депозит, — согласилась Дарига. — Может, привыкнешь? Что я, зря моталась? Договорчик в «матрешке». Читать будем?

— Я мелкое не вижу.

Дарига пролистнула текст.

— Типовой. Напрягись как-нибудь...

В договоре сообщалось, что Медведева Дарига Васильевна, 2023 г. р., №... сдала, а я, 1960 г. р., №... снял жилое помещение... ну и так далее.

— Тебе чего, скоро девяносто лет, ата? — почтительно уточнила Дарига.

— Как видишь.

— Свежо выглядишь! Только это... волосы покрась. Или — побрейся налысо. А то некрасиво. И курточку почему внучка не гладит?

— Нету внучки... Слушай, Дарига. Когда я ехал, полиция человека схватила. У платформы... Сказали: «Редиской торговал...» А что он сделал не так?

— Бывает... Я здесь часто езжу. Он по ходу не только редиску толкал. Картошку молодую. И огурцы, скорее всего.

— Так за что его?

— Да ведь он же — за динарчики продавал! Зря никого не хватают.

— Какие «динарчики»?

— Сто лет живешь, и не знаешь?! Кружочки серебряные. Три грамма серебра. А если золота, то это уже «червонец». Но на него не редиску покупают. Кое что похуже...

— Почему три грамма?

— Так им удобнее. Говорят, в Эрэфии такой «рубль» был. Три грамма весил. Правда, не золотой. Железный. — Дарига замолчала и добавила вполголоса: — «Динарчики» плохие люди придумали, отец. О них даже говорить нельзя...

— Что плохого — редиской торговать?
— Ничем нельзя на улице торговать! — назидательно сказала она. — Редиску в магазине продают!

— Что плохого в серебряных кружочках?
— Ты из леса, что ли? Только там такие живут... Мне такие «кружочки» даром не нужны. Это незаконно. И неудобно. Украдут, потеряю... И вообще, они — не деньги! Вот здесь настоящие деньги! — Она показала социальное кольцо. — Ну, давай руку.

Мы соприкоснулись перстнями. И часть моих алтын, согласно договору, перешла на ее счет. Удобные вещи «перстенок» и «матрешка».

...И как здесь остаться одному, среди пустующих домов и зарослей борщевика? Как я тут останусь — со своими бессмысленными воспоминаниями?

...Ледниковое озеро, окруженное лесом и подлеском. Совсем маленькое. Там пропали две аквалангистки. Две молодые девушки. Они были опытные подводницы. А здесь — погрузились и не всплыли. Уже закончился кислород, а друзья и родные все ждали. Искали. Все озеро осмотрели — не было никакого следа.

Поставили два креста на берегу с датами их рождения и... последнего погружения. Родные верили — ведь есть же где-то они. Просто куда-то уплыли. И тел не нашли.

Озеро — неказистое, но чистое.

Рядом дом — гостиница. На первом этаже — крошечный ресторан с верандой. На втором — несколько номеров. Зачем гостиница здесь, в лесу, в глубине Ивановской области?

Ресторан — совсем настоящий. С приличным набором блюд. И официант — единственный — вежливый и пухленький, тоже совершенно настоящий. Любезный, респектабельный, будто перенесен в эти леса из какого-нибудь «Будапешта» восьмидесятых.

Гостиница называется «София». Хозяйка тоже живет там, но ее обычно никто не видит. Везде чувствуется ее заботливая рука.

...В окнах корпусов напротив — почти нет огней. С последней электрички движутся люди. Они похожи на светлячков. Подсвечивают себе путь фонариками «матрешек». Уличными фонарями власти, похоже, народ не балуют.

Пахнет какими-то пряностями из китайской сетевой лапшичной. (Их бренд «Панда» здесь повсюду.) Иногда доносится гарь мусоросжигательного завода.

Внизу — кафе-караоке. Перед ним сидят на корточках несколько человек, почти невидимых в темноте. Что-то курят.

Нетрезвая женщина в караоке пытается спеть евразийскую песню. Сбивается, матерится. И снова начинает.

Мерцающая летит по небу спутник неведомого государства. А может быть, самолет идет на посадку в Чкаловском.

Для чего меня вернули в эту жизнь? Чтобы пить и пить в чужой стране свое одиночество?

Я поспал несколько часов. Разбудили птицы.

Выбрался на ящик для кондиционера.

Солнце всходило, и зонтики борщевика отбрасывали длинные тени доисторических деревьев.

Какие-то пернатые, похожие на стрижей, слепили гнезда на стенах пустующих домов. Сейчас они порхали, взлетая все выше.

Заныл сигнал «матрешки». Кто может мне звонить? Ведь я уже почти на том свете.

Сообщение... «Если хотите, можно встретиться сегодня в парке Сокольники. У солнечных часов, в 12. Маша».

Господи, какие там солнечные часы? Кажется, у входа там стояли планеты — здоровенные цементные шары разного размера, — дети все старались их спихнуть, а я боялся, что задавят. Дорожки из плитки изображали орбиты. А в середине действительно лежала чугунная плита, символизирующая солнце. Ну да, это солнечные часы. Помню, летом, в полдень они довольно точно показывали время. Неужели сохранились?

Как на этой дурацкой «матрешке» писать эсэмэски? «Да, конечно».

Отправлено. «Да, конечно».

Я сел на «Комсомольской» и поехал по красной ветке до «Сокольников».

— Следующая станция — «Алма-Атинская», — объявил диктор сочным голосом.

«Зис из Зьябликово...» — было произнесено на «Красных воротах». Объявления по-прежнему дублировали на плохом английском, хотя англоязычных я не встречал.

— Следующая станция — «Шипиловская», — объявили на «Чистых Прудах», — но никто, кроме меня, и ухом не повел.

— По-моему, он вообще не на ту ветку магнитофон включил, — сказал я, ни к кому не обращаясь.

— А ты что, не знаешь, где вылезать? — строго спросила сидевшая напротив евразийка с подбритыми висками.

— Знаю.

— Ну так и сиди на попе ровно. Не провоцируй. Объявляют так, значит, надо. Есть ведь такие гады! Всем недовольны...

Я посмотрел по сторонам. Действительно, люди сидели спокойно и выходили там, где им нужно, не обращая внимания на абсурдные объявления.

Надо сказать, в метро изрядно воняло. Как-будто прорванной канализацией. Наверху тоже было не лучше. Пока я шел до парка — различные запахи преследовали меня. Конечно, и в восемнадцатом году воздух в Москве был не альпийским. Но сейчас...

Вход в парк перекрывали турникеты, такие же, как в метро. Они были установлены под историческими воротами, сохранившимися в неизменном виде. Я приложил к сканеру руку с перстеньком. Высветилась цифра «два», (видимо, два алтына стоил вход), и дверка открылась.

Она терпеливо сидела на скамейке перед солнечными часами. И ждала. Единственный знакомый человек на этой новой земле (не считая доктора и риелторши).

Даже немного смутилась, когда я сел рядом. Хотя застенчивость, мне кажется, не свойственна евразийцам.

Как будто не знала, с чего начать.

Вчера она выглядела посмелее.

Мы купили в ближайшей «Панде» два «вока» — коробочки с китайской лапшой, слегка приправленной кусочками утки (несмотря на строгий пост). Взяли чай.

Мне не хотелось сидеть там под взглядами неороссиян, орудующих палочками и не забывающих при этом рассматривать своих собратьев выпученными, как у лему-ров, глазами.

— Здесь рядом была «шляпа». Интересно, сохранилась ли она?

— Какая шляпа? — не поняла Маша.

— Беседка. Укрытие от дождя в виде шляпы. Вон там, за березовой аллеей...

«Шляпа» сохранилась. Правда, теперь она была другого цвета (пластмасса долго не живет). Я иногда сидел под «шляпой» и вот оказался снова спустя столько лет.

За это время деревья выросли. Стало еще уютней.

— Маша, посмотрите, здесь под крышей, на полке должны быть книги.

Книги действительно лежали там. Как и раньше, кто-то приносил их сюда: Чехов, Лесков, Куприн, другие забытые писатели.

— Откуда-то же они здесь взялись? — сказала Маша. — Значит, кто-то читает бумажные книги. — Она осмотрела периметр беседки. Провела рукой под крышей. — Камеры нет. Здесь камеры в основном на аллеях.

Мы разговорились.

Она была кинологом.

Кинологов в Евразии мало. Здесь почти нет собак.

Я думал, хоть в парке увижу. Раньше ступить было некуда от этих: мопсов, чихуахуа, такс... И животин покрупнее — нелепых и нервных псин из приютов. Тогда был особенный шик — взять пса из приюта. И куда все это великолепие делось?

Началось с налога, объяснила Маша. Когда-то давно ввели непомерный налог на животных. В результате их стали бросать. Самые сердобольные усыпляли своих питомцев, а остальные оставляли где-нибудь в лесу. Маленькие собачки вымерли быстро или были съедены в тяжелые годы. А большие стали сбиваться в стаи, истреблять диких животных и нападать на людей. В основном на беспомощных: стариков, детей, инвалидов. Было немало смертельных случаев.

Тогда власти создали службу кинологов. (У нас бы сказали — догхантеров.) Они охотились на потерявших всякий страх перед человеком псов.

Москва была полностью зачищена. В Подмосковье (или в Замкадье, как говорили евразийцы) справиться с песьими стаями было уже сложнее. Собаки обитали в зарослях запущенных лесов, на территориях брошенных промзон.

А дальше, в Зазамкадье или Темнолесье (оно начиналось где-то после Переяславля-Залесского и тянулось по территориям бывших Ярославской, Ивановской, Костромской, Вологодской областей, и так, наверное, до Белого моря), контролировать собачьи стаи, которые уже смешались с остатками волчьих, было сложно. Но и там жили граждане Евразии. «Картофельники», как их называли. (Им дозволялось разводить картошку.)

Приходилось посылать туда собачьи патрули.

Маша была кинологом и работала вахтовым методом. Неделю отдыхала. А две вместе со своим отрядом преследовала и убивала собак в лесах северо-востока. Кинолог должен был хорошо ориентироваться на местности и уметь выживать среди дикой природы.

Можно было поручить истреблять собак дронам, но дрон в чаще леса не пролетит и в волчье логово не полезет.

Раньше лесным евразийцам пытались запретить разводить картошку. Считалось, что они прямые потомки россиян — людей чрезвычайно ленивых. Если им разрешить выращивать любимый продукт, их не заставишь работать. Останутся в избах гнать из картошки самогон, ей же и закусывая. А тут еще — грибы, ягоды, мед, рыба иногда. Райская жизнь для тех, кто не хочет участвовать в общем деле и готов кормить комаров, обходясь без электричества.

Но потом на картофельников махнули рукой. Численно они были в меньшинстве. Погоды не делали.

Да и какой нормальный человек откажется от телевизора, «матрешки», капсулы с горячей водой и канализацией? А киноцентры, спортзалы, народные гулянья? Да, для всего этого надо было служить и терпеть некоторые ограничения... Но евразийцы — хорошие работники. Их, в противовес россиянам, иногда называли «лапшичниками». Они предпочитали рис и лапшу унылой картошке.

Конечно, можно было и бросить лесных отщепенцев. Пусть их волки дерут (или волкособы). Но власти Евразии — люди рачительные. Они понимали, что и картофельникам когда-нибудь надоест сидеть в своих избах, ходить по нужде под елку.

Население, даже столь странное, — это ресурс. И закамкадные маргиналы могут со временем стать неплохими работниками. А значит — имеют право на жизнь.

Ее отец был «частником». То есть служил в военной компании. (Вообще в Евразии почти все частное). Евразийцы — отличные солдаты. Их нередко нанимают в «горячие точки».

— ЧВК «Пересвет»... Может, слышали?

— Как я мог слышать?

— Он погиб в Судане. Или попал в плен. Это одно и то же... Нам перечислили его зарплату. Все, до последнего алтына.

Маша замолчала, доедая лапшу.

— Давайте не будем время терять, — сказала она, посмотрев, не осталось ли чего в коробке. Но там пребывал лишь запах утки или утинового ароматизатора. — У вас остались от прежней жизни... настоящие деньги? Не рубли, конечно.

— Немного.

— Сумма... больше трех нулей?

— Да.

— Тогда есть о чем говорить... Вы бы хотели получить доступ к настоящему Интернету? Не через «матрешку», а к мировому.

Мне и в прошлой жизни он не был особенно нужен. Но сейчас я не отказался бы узнать, что происходит в мире. По ТВ здесь показывают в основном парады, учения и танцы народов Евразийского Союза.

— А сколько это будет стоить?

Маша достала изящный планшетик. На гибком экране замелькали какие-то иностранные новости.

Я вытянул из потайного кармана бумажку с изображением Бенджамина Франклина.

— Достаточно?

— Нет, конечно. — Маша быстро забрала бумажку. — Мне надо много таких набрать. Планшет ваш. Пользуйтесь... Что я еще могу сделать?

На полянке рядом с нами девочка в коррекционных очках гонялась за голубем. Голубь был, похоже, больной. Он не улетал, а как-то бессильно вспархивал и семенял, пытаясь скрыться в кусты.

Девочка тоже была не слишком проворна. То ли плохо видела в своих огромных очках, то ли плохо соображала.

Родители и немолодая женщина, наверное бабушка, сидели на скамейке. Благодушно наблюдали, а мама пыталась сфотографировать дочку.

Девочка нашла здоровенную ветку и забила ей неуклюжего голубя. Потом стала топтаться на нем.

— Не надо, Люся. Ботиночки испачкаешь, — сказала бабушка.

Я поднялся, будто что-то надо было сделать.

— Да вы не переживайте, дворники уберут, — сказала Маша.

Парк весь радиофицирован, и музыка из громкоговорителей слышна в самых укромных аллеях.

Вообще, музыка в Евразии сопровождает всюду. Песни звучат непрерывно: в метро, электричках, на улицах, в лапшичных. Репертуар примерно одинаковый. Евразийцы любят старую северокорейскую группу «Моранбон». Часто слышишь песню «Православный русский воин беспощадно бьет врага».

И, конечно, неофициальный гимн Евразии: «Идем своим путем». Его поют разные исполнители — на кыргызском, российском, таджикском, монгольском, пушту и других языках братских народов.

Мы взяли напрокат электромобиль и катались по дорожкам парка. Дорогое удовольствие, — желающих было немного. Но зато, как и в «шляпе», нет камер наблюдения.

Сейчас в Сокольниках звучала «Группа крови на рукаве» на корейском.

— «Мой порядковый номер — на рукаве, — подпевала Маша по-русски. — Пожелай мне удачи в бою». Хорошая песня. Воинственная. Этот корейский композитор — ваш современник?

— Кто?

— Цой, кажется...

И две тысячи лет война,
Война без особых причин,
Война — дело молодых,
Лекарство против морщин, —

напела Маша другую песню. — Мне кажется, он предвидел нашу Евразию.

— Ну, мы как-то по-другому это воспринимали... «Перемен требуют наши сердца».

Трансляция в парке работала непрерывно. Предупреждали о возможных терактах, об опасности встречи с лосями, которые несанкционированно заходят на территорию, приглашали посетить шахматно-шашечный клуб, музей Ленина.

— А при чем тут Ленин?

— Как при чем? — удивилась Маша. — Он ехал на елку в Сокольники. А его остановили бандиты. Но он все равно приехал. Не огорчать же детей? Тут музей есть, в бывшей лесной школе. Хотите посмотреть?

— Как-нибудь потом...

— И я в детстве сюда на елку ходила.

— «Дед Мороз... всем подарочки принес».

— Дед Мороз — это язычество. У нас волхвы были. Рождественский вертеп. И ангелы... Ленина тоже приглашали. Обычно он у Мавзолея стоит. С китайцами фотографируется. Он играл с нами в «кошки-мышки».

Владимир Ильич ждать долго не стал. Он хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки умеет играть?

Александр Терентьевич Кононов. «Елка в Сокольниках»

— Мне деньги нужны — чтобы за спираль пробраться, — сказала Маша.

— Что за спираль?

— Вроде проволоки с шипами. Лежат себе в степи в три ряда. Спирали такие, в них часто животные попадают идохнут. Государственная граница. Там дроны с камерами летают.

— И что — нельзя перейти?

— Нет такого забора, через который евразиец бы не пролез. Только что за колючкой без денег делать? Им виртуальные алтыны не нужны.

— Зачем вам за границу?

— Интересно просто... Еще не в каждой загранице можно остаться, даже если пролезешь. В Северной Европе выдадут обратно сразу же. У нас с ними договор. Да и порядок там почище нашего. А как иначе с арабами? Они по-хорошему не понимают. Но я бы при таком «орднунге» жить не смогла... Есть некоторые балканские страны, довольно бестолковые. Вот там жить можно.

«Власти, престолы, господства и силы...» Иерархия чинов ангельских.

Евразийцы употребляют слово «власти».

— Кто такие «власти»? — спрашиваю я. — Откуда они берутся? Вы их, что, выбираете?

— Кто мы такие, чтобы выбирать? — смиренно отвечает Маша. — Мы люди не-образованные, а они — учились. Они знают то, чего мы не знаем. Они много работают и потому — богатые.

— Но откуда они взялись?

— Они были всегда.

— А где они живут?

— Где хотят, там и живут.

— За «спиралью»?

— Вполне возможно».

— А как они вами управляют?

— Виртуально... Вся наша жизнь — в чьем-нибудь компе. Хуже всего и опаснее всего, — объясняла Маша, — стать нищевродом.

Многие могут ими стать.

В Евразии не любят пенсионеров.

Евразийцы скрывают свой возраст. Женщины делают подтяжку лица. Мужчины, скорее всего, тоже. Мужчины, как и женщины, красят волосы. Иногда бреют голову наголо. Лишь бы не видно было седины. Евразийцы обычно не носят бород. Они много занимаются в тренажерных залах, чтобы быть в форме.

Нищеврод, как правило, мужчина. Поэтому евразийские мужчины особенно тщательно наглаживают свои рубашечки, наводят стрелки на брюках, содержат в идеальной чистоте обувь (даже маленькие губки для чистки с собой носят!). Я сам видел. Зайдет такой евразиец в туалет, оправится, а потом и ботиночки свои губочкой, пропитанной вазелином, протрет.

Главное — не выглядеть нищевродом. Система пенсий начисляется так, чтобы поощрять тех, кто не менял место работы, не участвовал, не дай Бог, в каких-либо акциях.

Компьютер ведет евразийца от рождения до смерти (вернее, с первого УЗИ, когда определяется пол будущего ребенка и ему присваивается номер).

Далее в электронное досье добавляются все сведения: дата и место рождения и крещения (или обрезания), наклонности и поведение в детском саду, оценки в школе, «лайки» в социальных сетях (если то, что у них в «матрешках», можно назвать сетями).

Особенно пресекается интерес к истории и литературе. В школьных программах этих предметов практически нет.

Власти Евразии помнят, что «многие знания умножают скорбь», и не утруждают населения долгой учебой. Большинство имеют среднее (восемь классов) или среднеспециальное (+ два курса техникума) образование.

Если евразиец вел себя на протяжении жизни правильно, то и пенсия начислялась приемлемая. «Пенс» получает доход хотя и ущербный по сравнению с работником, но все же сносный.

Если же подданный оказывался «летуном», то есть менял без разрешения место работы, был замечен в непозволительных разговорах, «занимался ерундой», например — сочинением стихов и песен (для этого есть профессиональные поэты-песенники) или рисованием никому не нужных картин, проявлял противоестественный интерес к истории и литературе, такой объект фиксируется в базе данных как неблагополучный.

Ему срезают пенсионные баллы, и в результате, когда его увольняют (а увольняют всех без исключения, достигших пенсионного возраста), средств на жизнь не хватает.

Понятно, что выглядит такой недофинансированный евразиец плохо. Отличает их и пристрастие к спиртному, в котором несчастные ищут утешения. В результате получается настоящий нищеврод.

Приличный евразиец никогда не сядет рядом с нищевродом — ни в транспорте, ни в общественном месте.

Но самое главное — нищевроды были как бы вне закона. Если такой объект исчезал — полиция этим фактом не интересовалась. В сводках он именовался «потеряшкой». А исчезали они часто.

Нет ничего хуже, чем стать нищевродом. Даже последний картофельник сидит у себя в лесу и на людях не показывается.

А нищеврод живет в благополучном мегаполисе и отравляет окружающим жизнь своим гнусным видом. Так что если кто-то потихоньку чистит страну от этих седых, патлатых вырожденков, он делает явно доброе дело.

Поэтому, чтобы не попасться в руки добровольных чистильщиков, лучше из последних сил содержать себя в чистоте и порядке, лучше до последних дней стараться выглядеть успешным и молодым.

Еще больше часа оставалось до приема у доктора.

Я взял напрокат шезлонг, хотя у Путятинского пруда были свободные скамейки. Но долго сидеть на них Маша мне не советовала. Охранники могут принять за нищеврода и увести куда-нибудь.

— У них глаз наметанный.

Лучше человеку такого вида на парковых скамейках не засиживаться. Другое дело — шезлонг. Значит, человеку есть чем заплатить. Заплатил — и сиди себе, пока время не вышло.

Я предложил взять второй шезлонг для нее, но Маша отказалась.

— Зачем деньги зря тратить? Мне все равно уже ехать надо. Я вам напишу... So long!

— So long.

Она еще раз посмотрела, как я устроился — на высоком берегу пруда, в тени деревьев, словно какой-нибудь дореволюционный дедушка, улыбнулась, и быстро пошла по направлению к платформе Маленковская.

So long, see you honey

You can't buy me
with your money.

.....

You won't have me — tonight.

All right, all right, all right, all right! —

звучала в голове песенка забытой группы «АББА».

Двое охранников внимательно посмотрели на меня, но ничего не сказали.

За Путятинским прудом, на другой стороне железной дороги, видны сталинские дома песочного цвета, рядом — дом под названием «Триколор», еще эрэфийских времен, с белыми, синими и красными балконами, а над всем этим нависал красно-зеленый человеконик — жилой комплекс «Евразия».

В пруду купаться было запрещено. Евразийцы бегали вокруг по дорожкам, крутились на бесплатных тренажерах.

А когда-то, здесь была деревянная купальня, и девочки Вера и Надя все никак не хотели вылезать из воды. Они хорошо плавали.

Позади возникла какая-то перепалка.

Подвижный старичок, похожий на Зиновия Гердта, пререкался с охранником.

- Посидел, и дуи отсюда, — грубил охранник, стаскивая старичка со скамейки.
- Что значит «дуи отсюда»? — кипятился старичок. — Я имею право сколько угодно сидеть... Я за вход заплатил!
- Нет у тебя никакого права. А я имею право тебя вывести. И в протоколе напишу: «Приставал к прохожим». Достали уже всех...
- Что значит «достали»? Я в дирекцию пожалуюсь!
- Жалуйся... Сейчас шокером так отхожу — под себя ссаться будешь. Старичок вскочил, словно на пружинках. Быстро засеменял ко мне.
- Будьте свидетелем! Творят, что хотят... Опричники!
- Вот не надо такие слова говорить, — обиделся вдруг охранник. — Здесь парк культуры!
- Садитесь, — сказал я старичку, освобождая шезлонг.
- А вы как же?
- Другой возьму.
- Я подошел к будке проката, приложил «перстенок», и автомат выщелкнул еще одно пластмассовое креслице.
- Охранник с отвращением посмотрел на нас и продолжил патрулирование.
- Этот пожилой человек был мне знаком.
- Не лично, но я видел его в прошлой жизни. Очень давно — он иногда появлялся на экране. А потом то ли его убрали, то ли я перестал смотреть телевизор.
- Кто он был? Писатель? Актер?
- Помню, он был довольно последовательным оппозиционером.
- Вы... Немирович?
- Да! Но не Немирович-Данченко, — живо откликнулся старичок. — Меня еще кто-нибудь помнит?
- Я — помню...
- Вам что — сто лет?
- Девяносто.
- Неплохо сохранились.
- Я... долго болел. Не узнаю почти ничего.
- Прямо князь Мышкин! Но меня-то вы узнали.
- Немирович стремительно прихлопнул муху или овода, севшего ему на колено. Он вообще был скор в движениях.
- Вот! Нарушил права насекомого... За «спиралью» меня посадили бы. Тем более муха не проявляла агрессии. Скорее, естественное любопытство. Как думаете, посадили бы?
- Вы шутите... Разве есть права насекомых?
- Там, конечно, есть! Сначала они занимались правами животных. А потом осознали, что насекомые — тоже животные.
- Неужели правда?
- А вы не знали? Нет, в самом деле не знали? Вы из леса, что ли? Я смотрю — с бородой... Вы из этих, которые в шапочках из фольги?
- Нет. Я просто двадцать восемь лет своей жизни не помню.
- Деменция?
- Вегетативное состояние. Я только месяц назад стал что-то соображать. А вчера меня выписали.
- Подождите, — оживился Немирович. — А когда вы впали в эту, скажем, кому?
- В две тысячи восемнадцатом.
- Фантастика! Значит, как на машине времени проехались из восемнадцатого в две тысячи сорок шестой! Ну, и как вам у нас?

— Честно говоря, не очень...

— Не то слово! «Не очень» — это мягко сказано... Есть более емкое выражение. Но я поклялся не говорить матом.

Мы немного помолчали, глядя на евразийцев, которые неистово упражнялись на тренажерах. Своей ловкостью и подвижностью они напоминали персонажей мультфильмов.

— А... почему вы здесь остались? — спросил я.

— Почему я не за «спиралью», хотите сказать? — начал с пафосом Немирович. — Да как-то незаметно все получилось... — продолжил он, вдруг сникнув. — Прислали эсэмэску. «Оплатите за квартиру в Некрасовке!» У меня никогда не было квартиры в Некрасовке... Зачем мне квартира в такой дыре! В общем... закрыли выезд. На Западе чуть-чуть повозмущались. Им объяснили: «Он же не политический! Просто злостный неплательщик». Спасибо, хоть зоофилом не объявили... «Ах, неоплата налогов!» Для них налоги — святое. А потом, всем евразийцам, кроме властителей, выезд потихоньку закрыли.

— И что, за границей никакой реакции не было?

— В целом — нет, — сказал Немирович, немного помолчав. — Мы ведь им на хрен не нужны! Другой мир. Инопланетяне! Там права насекомых важнее, чем права каких-то евразийцев. А «прогрессивная общественность» так даже приветствовала.

— Это как?

— Ну, а как они когда-то ГУЛАГ и Беломорканал приветствовали! Фейхтвангер, Стефан Цвейг, Ромен Роллан чуть не плакали от умиления! А Бернард Шоу — аж из штанов выпрыгивал. И сейчас: «Сбылась мечта человечества!», «Евразия — первое на планете цифровое государство!»

— Что значит — «цифровое»?

— Государство без наличных денег. Где человек от рождения до смерти полностью контролируется через Сеть. В нашем случае — через Внутреннюю Сеть.

— А почему именно Евразия?

— Самое покорное население... На Западе даже восторженные скандинавы отказались обходиться без «бабосиков». «Деньги — это свобода, выкованная из золота». Ремарк сказал. И он имел в виду именно НАЛИЧНЫЕ деньги. А не нарисованные в компьютере... Драгметаллы изъяли, чтобы народ не соблазнялся.

— А «червонцы»?

— «Червонцы» ходят. Понаделали какие-то люди. Не все золото сдали. Сильна у человека страсть к деньгам и свободе.

— И чем заняты евразийцы? Газ добывают?

— Не только... В Москве опять много заводов. За «спиралью» разрабатывают разные интересные вещи. А в Большой Москве их собирают. Получается неплохо. Евразийцы, если они, конечно, «лапшичники», очень старательны. Социальная селекция. Ну, довольно о грустном, — перебил сам себя Немирович. — Не выпить ли нам компота? — Он пристально глянул на меня.

Проворно вытащил из своей котомки пластиковую бутылку. На этикетке были изображены трогательная вишенка, и стихи: «Евразиец! Наш совет: пей компот! Живи сто лет!» Еще одну бутылку достал для себя.

Приблизившись ко мне, Немирович прошептал, сверкнув глазами:

— Это настоящий черногорский «Вранац»!

«А кто с нами пьет, до ста лет имиет!» — вспомнились мне слова сербской песенки. Он достал также нарезку с надписью: «Евразийский пармезан. Сырный продукт».

— Ну, за встречу! — Немирович приподнял бутылку. — Как говорят попы: «Кушайте, тут все постынное!»

Это был, конечно, не «Вранац», а какое-то ординарное вино, но пить его было приятно. Хотя я и побаивался, не накроет ли нас свирепый охранник.

— Мы сами во многом виноваты, — сказал раздобревший Немирович. — Вот вы что делали в девяносто первом?

— Девятнадцатого августа? Был у Белого дома. Мне казалось, что мы его защищаем.

— Я тоже... Ведь там, на этих смешных баррикадах была свобода?

— Была...

— Почему мы не смогли ее удержать? Думаю — нас сгубила ирония. Мы слишком иронично относились к нашим ценностям. У нас не было звериной серьезности. А ценностью является лишь то, за что ты готов умереть.

— Но ведь тогда, девятнадцатого августа, мы были готовы к смерти? Мы же не знали, что все это фарс? Мы верили, что через несколько часов подъедет какой-нибудь спецназ и нас умертвят. И не уходили. Значит, готовы были умереть?

— Тогда — да. А потом мы все обсмеяли. Мы засрали все своим постмодерном. «Нет ни добра, ни зла. Ни правды, ни лжи. Все относительно...» Так ведь?!

— Нет. Есть добро и зло.

— Ну, вы точно из леса... Вы, вообще, кем раньше были?

— Не помню... А вы, кажется, писатель?

— Я? — удивился Немирович. — А, ну да, когда-то членом ПЕН-клуба был... Как же мы, литераторы, все это проглядели? Любые перемены начинают с реформы слов. Вместо «народ» начинают говорить «население». Вместо «город» или «село» — «поселение». Вместо «школа» — ГБУЗ. И наконец, внедряется слово — «власти». Все журнашлюхи его подхватили! «Власти решили». «Власти запретили». «Власти установили». А мы только ерничали. Корчились от смеха. И доигрались со своим театром абсурда. Превратились в пыль... И потом... мы думали, что у Евразии нет своей идеи. А она есть. Это — «Власть». Для евразийца любая власть священна. Поэтому они поклоняются одновременно, — и Сталину, и Чингисхану, и Ивану Грозному. Их фетиш — «Власть». Никем и ничем не ограниченная. Власть, никогда ни перед кем не держащая ответа, кроме Бога. А в Бога евразийские вожди не верят. Все эти цифровые технологии — чтобы иметь невиданную власть над человеком. Букашкой. Циферкой в компьютерной игре. Такая власть не снилась ни Ксерксу, ни какому-нибудь средневековому деспоту. Власть навсегда... Мы же сами на себя эту удавку надели. Сети, сети... Вот скажите — вы могли себя представить тридцать лет назад без Фейсбука? Я — нет. Жизнь — это личное пространство... А я сам для них фиксировал все... Что жрал, с кем спал... Как срал, простите... И обо всем — селфи, селфи, селфи... А они в это время нам социальные рейтинги составляли... Какой, на хрен, рынок? Хотя... тут и так все кому-то принадлежит. Просто мы не знаем имен хозяев. Нас в это не посвящают. И парк этот — чей-то. И метро. И электрички, и платные дороги. А бесплатных у нас нет. Только это не частная собственность. Это — феодальная собственность. Она даруется или передается по наследству.

В тот вечер мы долго болтали с Немировичем. Я едва не опоздал на последний «Рэкс».

Когда приехал на 81-й Километр — уже почти стемнело. Только на юго-западе, там, где Москва, был небольшой перламутровый просвет.

Дорожка среди зарослей борщевика ничем не освещалась. Последние пассажиры быстро прошли мимо. Я отстал, бредя не спеша среди огромных зонтичных кустов, наминавших деревья саванны. Какие-то фигурки промелькнули впереди, низенькие, словно пигмеи.

Затылок обожгло. Ударили чем-то железным, вроде арматуры. Колени подкосились. Я опустился на землю, словно агнец, готовый на заклание.

Кто-то сзади накинул удавку. Начали затягивать. Быстрые руки полезли во внутренний карман, выдернули перевязанную резинкой пачку денег.

Я не терял сознание.

Сзади выстрелили пару раз, словно взорвали петарды. Удавка ослабла. Пигмеи, подхватив мой пакет с айфоном, растворились в подмосковных кустах. Прошуршали, как испуганные мыши.

Кто-то светил мне в лицо фонариком от «матрешки».

— Салам, ата! Кандайсын? (Привет, отец. Как ты? (кыргызск.)). Встать можешь? Тебе повезло, что я последняя шла.

Я встал на четвереньки, потом во весь рост. Земля слегка колебалась.

Дарига прятала в сумочку пистолет.

— Настоящий? — спросил я, топчась на месте, чтобы не грохнуться в обморок.

— Травмат... Кто ж мне настоящий даст? Стреляет резиновыми пулями. Очень больно. Дети боятся.

— Так это дети?

— А кто же? Ты в это время, отец, один не ходи. Задуют. Из чистого озорства.

Мы потихоньку добрались до моего корпуса.

— Входную карточку не потерял? Азамат! (Молодец! (кыргызск.)). Ты там курточку застирай... А то видишь, кровь у тебя? Ну давай держись. Джакшы кал! (Пока! (кыргызск.))

Она помахала рукой и ушла в темноту близких домов.

Добравшись до своей капсулы, я смыл кровь. Не так-то много ее и было.

Поспал до рассвета. Опять разбудили птицы.

Рана на голове саднила, и комната покачивалась. Такие травмы не способствуют улучшению памяти. Но именно этим утром я начал кое-что вспоминать. Мне хотелось совершать действия, которые были привычны в прошлом.

Я взял «матрешку» и зашел в бесхитростный евразийский Интернет. Раньше, проснувшись чуть свет, я просматривал Фейсбук.

Основных сетей было три (не считая мелких).

Православная называлась «Оглашенные — изыдите!», исламская — название было написано арабской вязью.

Самая большая сеть — «Мы вместе!» — не для атеистов, а для людей, недостаточно воцерковленных, или представителей других конфессий. (Атеистов, похоже, в Евразии не было.)

В своей переписке (вся она выкладывалась в открытом доступе, ничего подзамочного не было) евразийцы в основном обменивались эмоциями. Они не утруждали себя длинными комментариями, а помещали собачек, медвежат или других зверюшек, которые, кривляясь, выражали те или иные чувства. Писали мои новые сограждане кратко: «Гы-ы!», «Иы-ых!», «Охренеть!». Также любили вставлять матерные слова, заменяя некоторые буквы — знаками. (Официально нецензурная лексика в Евразии запрещена.)

Посетители сетей щедро дарили друг-другу подарки — виртуальные тортики и букеты, часто поздравляли с какими-либо историческими победами. (Хотя в школе, как мне говорил Югай, историю практически не преподавали). Календарь побед постоянно вывешивался в сети. Я посмотрел — почти на каждый день приходилось то или иное победоносное сражение или юбилей великого евразийца.

Объявления православной сети «Оглашенные...» доминировали всюду, всплывая неожиданно и бросаясь в глаза.

Можно было, например, «отмолить грех аборта на молебне вифлеемским младенцам».

Настойчиво просили — одним кликом — пожертвовать деньги на тот или иной монастырь.

Предлагалось: «на ближайшей проскомидии помянуть „за здоровье“ и „за упокой“ ваших родных — в любом из храмов Большой Москвы». Тут же всплывала интерактивная карта, и вы могли выбрать, в какую из московских церквей отправить свои алтыны.

Выскочила картинка: «Храм Воскресения Христова в Сокольниках. Церковная утварь». Сообщалось, что магазин откроется через три часа.

Опять возникли какие-то ассоциации. В голове будто фрагмент пазла сложился.

Я выключил «матрешку» и стал одеваться. Сегодня суббота, народу в Москву едет мало. Если выйти сейчас, буду в магазине часам к девяти.

На ограде сокольнической церкви, помимо расписания богослужений, висела большая надпись: «Просить и подавать милостыню категорически запрещается!» И другая: «Все пожертвования на храм осуществлять только через социальное кольцо».

В церковном магазине все осталось по-прежнему. Только пустовато стало.

Раньше оживление было, а сейчас лишь один продавец.

Но пахнет так же — афонским ладаном. Блестят позолоченные потиры, дарохранильницы, диски... И свечи лежат — восковые. Веет медом от них.

А может, теперь по справкам из епархии продают? Но попробую.

— Нужны поручи и епитрахиль. Вот эти, самые простые...

Продавец очнулся. Оказался весьма обходительным.

— Так... надо еще кадило. — Я пытался сосредоточиться.

— И уголь, конечно?

— Да, и уголь. Простой. Не греческий.

— Ладан?

— Обязательно.

Продавец, похоже давно не видевший покупателей, расторопно выкладывал церковные товары.

— Крест для водосвятия... — перечислял я.

— И кантию?

— Нет, не надо. «Не донесу, — подумал. — Водосвятные чаши — громоздкие и тяжелые. В кастрюльке какой-нибудь освящу».

— Вот это Евангелие, самое маленькое.

— Синее?

— Лучше красное. Требник... Да, вот этот, зеленый, классический.

Похожий на послушника продавец списал с моего перстенька немалое количество алтын. Вручил в подарок календарь с портретом Патриарха.

Я сложил утварь в рюкзак.

Так. Теперь... Как будто я попадаю в какой-то заведенный много лет назад алгоритм.

Здесь рядом была пролетарская «Пятерочка». Что-то похожее есть и сейчас. Надо взять продукты недели на две. Больше не довезу... А дальше? Дальше посмотрим. Все самое легкое и питательное. Крупы. Чай. Сахар. Растительное масло (можно в крайнем случае использовать, как лампадное).

Надо попасть на электричку до Александрова. А потом — на какой-то поезд до Берендеева. Будто я сотни раз ездил этим маршрутом...

Было уже почти темно, когда я сошел на безымянной платформе. Как тут все заросло... Но знакомая тропинка вилась под ногами. «Нет конца лесным тропинкам...» Лес стал неухоженным.

Какие-то люди прошли, словно тени. Бездомные? Местные? И — ни огня кругом.

Я поднялся на холм, откуда обычно были видны огоньки деревень. Место называлось «Волчья гора». Но сейчас Россия была темна. Ни одного проблеска света.

Я шел, и где-то в кустах над ручьем послышался вой. Душа заледенела.

Вой прекратился. А может, его и не было.

Уходила летняя ночь, когда я подошел к небольшому храму, выполненному в духе наивного классицизма.

Дорожка, почти исчезнувшая, выделялась лишь более темным цветом росы.

Было видно, что крыша и купол храма — зеленые, покрашенные дешевой масляной краской, выцветшей до голубизны.

Старенький замочек висел на облупленной двери. Такие раньше были замочки — набираешь цифры, он и откроется.

Я набрал 7008. Получилось. Надо же... И код не поменяли. Да и зачем его менять?

В храме не было ни одного металлического предмета. А когда-то, я помню, дореволюционные латунные подсвечники, паникадила, канделябры.

Не было ни одной старой иконы.

Только софринские, сделанные методом полиграфии. От времени они стали синеватыми.

В храме не было следов погрома.

Просто все, представляющее хоть какую-нибудь ценность, отсутствовало.

Вместо подсвечников были пластмассовые ведра с песком. Туда ставили свечи.

Я вошел в алтарь, опустился на колени перед престолом.

Такая картина есть у Рембрандта — «Блудный сын». В алтаре тоже было пусто.

Ни семисвечника, ни Евангелия, ни антиминса.

Престол и жертвенник покрыты потертым зеленым плюшем. Кто знает, сколько лет этому деревенскому плюшу? Из такого (только коричневого) когда-то шили игрушечных медвежат.

Я приподнял пелену. Под ней лежал наперстный крест.

На гвоздике за дверью висел сатиновый подрясник.

Его можно было принять за халат для уборки, но это был именно подрясник. Вот и заплатка на том же месте. Когда-то прожег — прислонился к дверце горячей печи.

Я надел подрясник и крест поверх него. Достал из рюкзака требник, Евангелие, кадило, разжег уголь.

Возложил на себя епитрахиль. Когда завязывал шнурки поручей, услышал, что в храме, за тонкой стеной иконостаса, кто-то ходит. Или это залетела птица?

Я выглянул, приоткрыв алтарную дверь.

На клиросе стояли две женщины неопределенного возраста. Одна доставала из сумки богослужебные книги.

Я вышел на солею. Они подошли под благословение, нимало не удивившись, будто я всегда тут был.

— А мы сюда часы читать ходим, — сказала та, что постарше. — И акафисты поем.

Кто они? Сестры?

Вошел какой-то мужчина. С виду — болящий. Приложился к выцветшей иконе.

Вслед за ним появилась старуха, с ней мальчик лет десяти. Старуха кряхтела:

— Еле дошла, еле дошла...

Уселась на сундук возле печки. Там, наверное, было ее место.

Пришла супружеская пара интеллигентного вида, как говорили раньше. Потом еще несколько человек, из тех, что бывают на всedневных службах и которых в лицо с первого раза ни за что не запомнишь.

— Сегодня не удастся совершить литургию, — сказал я сестрам на клиросе. — Не готов. Нет ни вина, ни просфор.

- Мы принесем в следующий раз... Принесем... — сказали они в один голос.
- Можно совершить водосвятный молебен, — предложил я. — Окропим храм.

Болящий сходил к роднику за водой. Сестры достали оцинкованный тазик, приладили на него три свечи.

Я встал перед аналоем, троекратно перекрестился, вложил в горящее кадило афонский ладан: «Кадило Тебе приносим, Христе Боже...»

И произнес:

- Благословен Бог наш всегда, ныне, и присно, и во веки веков.
- «О свышнем мире и о спасении душ наших — Господу помолимся...»
- Господи, помилуй, — тихонько пели на клиросе.
- «...о страждущих, плененных и о спасении их Господу помолимся.

Я раньше думал — кто такие «плененные»? Пленные?

Высоко над храмом летел самолет. Представительский бизнес-джет с эскортом истребителей.

Он был почти пустой. Летело всего несколько властителей. В красивой икорнице охлаждалась икра, и коньяк ждал в тяжелой авиационной бутылке, но никто не обращал на еду внимания.

Властители были заняты разговором.

Учтивый стюард стоял на приличном расстоянии и думал о том, как в аэропорту он хряпнет недопитый «Хэннеси» и закусит оставшейся икрой.

— И надо приватизировать наконец Северо-Восточный лес, — говорил один из властителей. — Нехорошо, когда такие места не принадлежат никому.

— У каждой вещи должен быть хозяин, — вторил ему другой. — Лес зарастает, портится. И животный мир там не пойми какой.

— А картофельников куда девать? — поинтересовался первый.

— Выселить всех. В Северный Казахстан.

— В Северном Казахстане они то же самое разведут.

— Ну, тогда — в Южный.

Молитва из маленького храма летела к небесам, и властители скоро забыли про Северный лес. Они перешли к обсуждению какой-то более важной проблемы.

Мы обошли крестным ходом вокруг храма.

Прихожане радовались, как дети, когда я кропил их святой водой.

— Христос воскрес! — кричал почему-то болящий. — Меня Ира зовут, — сказал он доверительно.

У каждой церковной стены (соответственно сторонам света) немногочисленная процессия останавливалась, выстраиваясь в ряд. Я кадил иконы, которые они держали на вышитых полотенцах, и самих молящихся.

— «Победы православным христианам, на сопротивные даруя!» — громко и фальшиво запел Ира.

Я подумал, что все он делает не так.

В это время из-за леса появился небольшой дрон-коптер. Завис над шествием, потом приблизился ко мне, заглядывая единственным глазом в лицо.

— Это «Дознаватель» прилетел, — прокомментировал Ира. — Знакомится, значит.

— Вы его не бойтесь, батюшка, — успокоила одна из певчих. — Он видит, новый человек. Подлетел поближе посмотреть. Мало ли, может, террорист какой. Сейчас запомнит ваше лицо и улетит.

— А если террорист? — спросил я.

— Если террорист — стрельнет в лоб, да и все, — пояснил Ира. — Делов-то... У них там база данных. Все фоточки забиты. Если в ком супостата признает — стрельнет без разговора.

Дрон жужжал и пялился на меня. Под видеокамерой, словно любопытный нос, торчало дуло крошечной пушки.

Неожиданно, дрон сделал вираж и полетел вниз по склону, где виднелись серые дома деревеньки. Мы продолжили обходить храм. Я, в последний раз окропил паству с церковного крыльца. Дал для целования крест.

Похоже, этой кучке людей не хотелось расходиться так быстро.

Старшая из певчих обратилась ко мне:

— Батюшка, приглашаем на трапезу. Чем Бог послал. Домик вон наш, внизу... Мы проводим. Картошечки там... И грибов. Грибы теперь разрешают собирать.

— И самогон есть, — уточнил Ира. — А что? Не мусульмане ведь.

Мы закрыли храм и спустились к нескольким деревянным домикам.

Оказавшись за церковной оградой, Ира надел мотоциклетный шлем.

— Это он от плохих мыслей носит, — пояснила старшая певчая. — Думает, нас облучают. Внушают мысли всякие... срамные. Шлем, говорит, помогает.

— А почему он — Ира?

— Иродион его святое имя.

На столе были грибы — и жареные, и маринованные, огурцы — свежие и соленые, и молодая картошка, и вареные вкрутую яйца.

Все дружно спели «Отче наш» и полезли за стол, перебираясь через неудобные скамейки.

Только я, сидел во главе, на высоком мягком полукреслице, словно господин Воробьянинов.

Ира взялся разливать самогон, по-прежнему не снимая мотоциклетного шлема.

— Шапку-то сними в доме, Родион, — возмутилась регентша. — Ведь иконы кругом... Батюшка, скажите ему!

Ира покосился на меня и нехотя снял шлем.

— Одолевают, сил нет... У них там установки стоят, — пояснил Ира. — Всякую гадость нашептывают.

— Здесь не действует, — возразила ему певчая. — Здесь намолено.

— Видно, плохо намолено... Голова трещит. Ну, водка стынет, братья и сестры, — поторопил меня Ира.

Я поздравил собравшихся с первым после значительного перерыва богослужением, пожелал здоровья и долгоденствия.

Ира с облегчением выпил стограммовый граненый стаканчик, вслед за ним зажмурились, выдохнули и захрустели огурцами остальные.

— Батюшка, яичком закусывайте, — подсказывали прихожане.

— Я курочек под крышей держу, — делилась со мной хозяйка. — У нас двор большой, крытый. Гулять не пускаю. «Дознаватель» прилетит, покружит над домом, а их и не видно.

— Кур держать нельзя?

— Не допускается, — сокрушенно ответила певчая. — Вот грешу... Ведь знаю, что нельзя, и все равно согрешаю. «Всякие власти от Бога установлены суть...» В Писании сказано. Ну, вы, батюшка, лучше меня знаете. Выходит, я против властей иду... Да вы кушайте!

— А почему кур нельзя?

— Как «почему»? Нельзя, и все. Они лучше нас знают... Они учились много. Вот грибы-то разрешили собирать!

— Да! Грибы теперь можно собирать совершенно свободно, — оживилась интеллигентная пара. — Мы полные корзины носим. А «Дознаватель» подлетит, покружится над нами и летит себе дальше. И никаких замечаний! Грибы, между прочим, полезней, чем мясо, — подытожила дама.

— А я в девяностые годы овец пас, — ни к селу ни к городу ляпнул Ира. — Тогда за баранину платили хоть как-то. Нерусские ее на рынке продавали. А мы с шурином пасли. Тогда все поля заросли, как сейчас. Паси, сколько влезет. Мы месяцами с отарой жили. Ночевали в лесу или на лугах. Хорошо... Вроде Москва всего в двухстах километрах, а народу и тогда почти не было.

— И что же вы, ели их? — спросила дама.

— Кого «их»?

— Овец.

— Случалось...

Все замолчали. Возможно, вспоминали, какая она, баранина.

— А сейчас можно овец заводить? — понаивничал я.

— Не благословляется, — отрезал Ира.

Когда трапеза закончилась и гости разошлись, младшая из сестер-певчих задержалась возле моего кресла. Попросила разрешения присесть.

— А мы думали, вы непоминающий, — сказала она. — Вы Патриарха на ектинье не помянули.

— Я просто не знаю, как зовут Патриарха. А что значит — «непоминающий»?

— Ну, это тот, кто за властей не молится. И Святейшего не поминает.

— Есть такие?

— Говорят, есть. В костромских лесах где-то... Скрываются. У них молитва такая, что их дрон-«Дознаватель» не видит. Летит мимо, будто не замечает.

— А что там в костромских лесах?

— Там — Темнолесье. Зазамкадье. Никто не знает, что там. Говорят, какие-то люди живут. А зачем живут — не понятно.

— Ты бывала там?

— Я бы пошла. Да боюсь... Отловят за бродяжничество. Картофельникам нельзя просто так ходить. Кстати, пенсам тоже нельзя. Мы же пользы не приносим. Живем — и слава богу. Нас не трогают... А вы меня помните?

— Нет. Я даже себя не помню.

— Как это?

— Так. Об экскаватор ударился.

— Вы же у нас настоятелем были! Лет десять служили. А потом, году в восемнадцатом, нового дали. Сказали, заболел ваш батюшка. В больнице лежит, говорить не может. А почему вы не состарились? Ведь лет тридцать прошло...

— Я был как растение.

— Вы что, вообще ничего не помните? Я в воскресной школе училась. Меня Марина зовут! А сестру — Марфа. Вы меня по-церковнославянски читать учили. А потом на клирос поставили. Совсем ничего не помните?

— Я вспоминаю. Но как-то медленно. Кусками какими-то.

— Вы еще из Москвы сюда ездили! На службы. А иногда подольше оставались. Люди говорили: и не лень батюшке из Москвы ездить... Хотя откуда в лесу возьмешь священника? Самый конец епархии... Другие тоже откуда-то ездили. А потом приход закрыли. Здесь денег нет. Зачем тогда храм? А потом мы ведь от «перстней» отказались...

— У вас нет «перстеньков»?

— Нет, — Марина показала руки. — И ни у кого здесь нет. Никому мы не нужны. И нам никто не нужен. Только «Дознаватель» присматривает, чтобы мы не нарушали. Говорит, если какие указы от властей поступили.

— Как? Он еще и говорит?

— Ну, там голос чей-то транслируют. Если мы что не так делаем, он объясняет...

— Марина, — перебил я ее. — Ты не помнишь... Жена у меня была?
— Там что-то сложно было... — Марина смутилась. — Вообще-то, у каждого «белого» священника должна быть жена. Но ваша матушка к нам не приезжала.
— Скажи, Марина... А в Зазамкадье кто-нибудь из местных ходил?
— Никто не ходил. Ира, правда, говорил, что он бывал в Ивановской области. Но я думаю, врет.

Вдвоем оставаться было уже неудобно.

У русских принято, проводив гостей, не торопясь пить чай в семейном кругу. Сестры пригласили на веранду, где дымил сосновыми шишками самовар.

Я, Марфа и Марина сели за круглый стол, где было варенье на меду, какая-то земляничная пастила. Чай — липовый с мятой. (Настоящий чай и сахар в магазине без «перстенка» не купишь.)

Пейзаж был мирен. Несколько домов — деревни? Нет, здесь же храм... Значит, села? Но всего несколько домов... Назовем это место — весью... Дома этой веси были серыми, почти серебряными. Потому что дерево, если оно не покрыто пинотексом, краской или сайдингом (а эти вещи, по понятным причинам, картофельники не применяли), приобретает такой благородный цвет.

И дома сливались с голубовато-серым небом, серебристыми ивами, травой, растущей в пояс, потому что никто и не пытался ее косить. Достаточно было протоптать к храму, роднику, лесу и речке необходимые тропинки.

«Всякое ныне житейское... отложим... отложим... попечение».

И тихонько жужжали пчелы, и, тихонько жужжа, подлетел «Дознаватель». Устался на меня единственным глазом. Приблизился, от усердия залетая чуть ли не под крышу веранды.

— Подданный номер 153-247-611, — возгласил он противным, омоновским голосом. — Вам надлежит в течение двадцати четырех часов вернуться к месту регистрации. В случае неисполнения ваше социальное кольцо будет заблокировано.

Похоже, повторять два раза тут было не принято. Озвучив указ, коптер выпорхнул из-под крыши веранды и полетел по другим делам.

— Значит, нас сто пятьдесят три миллиона? — спросил я, не находя, что сказать.

— Что вы имеете в виду? — уточнила Марфа.

— Мой порядковый номер — где-то сто пятьдесят три миллиона.

— Нет. Это ни о чем не говорит, — возразила Марина.

— Первая цифра — «один» — означает, что вы мужчина. Цифра «два» — женщина. Потому что жена Ева взята от ребра Адамова. Женщина — это «два». Евразия — патриархальная страна, — просветила меня Марфа.

Действительно, я вспомнил. На туалетах тут «один» и «два» вместо «М» и «Ж».

— Может, нас всего-то — миллионов пятьдесят, — постаралась разобраться Марина. — Нам, конечно, не рассказывают, но в Большой Москве — миллионов двадцать. В Замкадье — миллионов десять. Сколько живет в Зазамкадье — никто не знает. Там почти никто и не живет. А за Уралом — ТОР. Никто не знает, что там происходит. Арендаторы не обязаны отчитываться. Известно только, что там леса нет. Потому и климат изменился.

— Батюшка... — вернула разговор к делу Марфа. — Я бы на вашем месте не игнорировала указание. Как вам без пенсии? Вы ведь не проживете... Я вам настоятельно советую вернуться к месту регистрации.

— Нет. Мне надо идти дальше, — возразил я.

— В Зазамкадье? — восхитилась Марина.

— Надо попробовать.

Марина выскочила из-за стола и через некоторое время принесла крупномасштабные карты соседних областей, выпущенные еще в СССР.

— А что вам надо найти?
 — Вроде на указателе было написано «Чернцы». Или «Чернецы»...
 — Где же это? — растерялась Марина. — Вот если бы Интернет был. Погуглить...
 — Э, милая, ты какого царя Гороха вспомнила, — засмеялась Марфа. — Мы, ба-
 тюшка, вам эти карты жертвуем, раз идти решились. Пойдете, может, дорогу и вспом-
 ните. Вы, когда к платформе вернетесь (если в Москву ехать не надумаете), езжайте
 в другую сторону, до конечной. Там пересядете. На северо-восток один раз в день по-
 езд идет. Проедете, сколько сможете. Остановка называется — «Петровское». Дальше
 электричек нет. Некому на них ездить. Да и не за чем. Мы вам в рюкзачок сейчас кар-
 тошки соберем.

— И бобов можно нарвать. Они питательные, — вспомнила Марина.
 — Подрястик и крест не надевайте, — продолжала наставлять Марфа. — Коптер сра-
 зу заметит. Нормальные священники пешком не ходят.

— И на электричках не ездят, — добавила Марина.
 Сестры собрали меня в дорогу, и не успел я осмыслить разлуку, как стоял с рюкзач-
 ком за спиной на пороге гостеприимного дома.

— Может, вам ночью идти, а днем отдыхать? — предложила Марина.
 — Так он никогда не дойдет, — возразила Марфа.
 — Возьмите компас в дорогу, я все равно им пользоваться не умею, — сказала Ма-
 рина. — Он — светящийся.

Марфа вынесла откуда-то и вручила мне посох. Довольно увесистый.
 — От собак? — спросил я.
 — В том числе, — сказала Марфа. — Это один архиерей оставил... Из прежних. Ска-
 зал, дашь тому, кто придет после меня.

Я благословил сестер и пошел восвояси, угадывая исчезающую в траве тропинку.
 Действительно, когда я доехал до конечной станции, оттуда шел один поезд на
 северо-восток. Поезд тронулся точно по расписанию. Сначала мне показалось, что
 я один в нем. Мне было неприятно ехать без спутников, и я пошел по вагонам, надеясь
 отыскать людей. Вскоре я увидел, что передо мной медленно идет женщина и про-
 сит милостыню.

— Подайте Христа ради! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, греш-
 ную! — говорила она, переходя из вагона в вагон. Но одни вагоны были пусты, а в дру-
 гих никто не обращал на нее внимания.

Я догнал женщину и поделился едой. Она замолчала, взяла еду и неожиданно вы-
 шла на ближайшей платформе. «Куда она пойдет, если поездов больше нет? — подум-
 мал я. — Наверное, она просит милостыню не у людей, а у Бога».

— Хорошо, что ты ей пожрать дал, — сказал угрюмый замкадовец, смоливший в там-
 буре электронную сигарету.

— А кто она?
 — Заблокированная...
 — Это что значит?
 — Больной, что ли? — замкадовец внимательно посмотрел на меня. — Заблокиро-
 ванная, значит, нет ее. И не было никогда. Нет ее больше в компьютере...

— Ну, как же? Вот она! Есть просит.
 — А кого это колышет? Заблокированным ни есть, ни жить не положено. Их же
 нету! Вот они в Темнолесье и уходят. Подыхать. Кору иногда гложут.

— За что ее?
 — А хрен знает. Может, сказала лишнее чего. Они же не объясняют... Нам этого
 знать не положено. И не пожалуешься... Тебя же нет! Родня от таких сразу отказыва-

ется. А здесь у нас — броди по кустам, сколько хочешь. Травой какой-нибудь можно живот набить. Или вот грибов на веточке пожарить. Но это осторожно надо, чтобы пожарный дрон не засек. А к зиме они все равно дохнут.

На станции Петровск (или Петровское?) объявили: «Поезд следует в тупик. Лица, оставшиеся ночевать в вагонах, будут привлечены к административной ответственности».

«Здесь и заканчивается Замкадье», — подумал я. Несколько евразийцев, ехавших в первом вагоне, быстро растворились в пыльных кустах, найдя свои только им ведомые дорожки.

На станции был небольшой магазин — на пару прилавков. За одним из них полная женщина восточного вида продавала пирожки и странноватого цвета сок в графине.

— Пирожки с капустой, почти как домашние, — сказала она.

— А сок какой?

— Мультифрукт.

Я взял у нее десяток пирожков. (Может, это последнее, что я куплю перед блокировкой счета.) Взял еще белый хлеб — нарезку, салфетки и маленькую бутылку вина с надписью «Привет из Крыма».

Там была еще лапша всех видов. (Но как ее заваривать в лесу без кипятка?) Еще — постные сырные продукты: «Рокфор», «Маасдам» и «Эммерталь» и постная колбаса «Брауншвейгская».

Сразу за магазином начинался молодой, но уже зарастающий кустарником лес. Дороги никакой не было. Я сориентировался по карте. Нашел, нашел я на ней это озеро Черное, пока ехал до Петровска!

Выходило, что надо идти на восток. Я пошел, как пионер, поглядывая на компас.

Деревья становились все выше. Полагаю, коптерам неудобно летать между ними. За весь вечер я увидел лишь один дрон, который кружил вдалеке, над развалинами исплинского коровника.

Лес постепенно поглощал Замкадье. Иногда среди молодых сосен вдруг попадалась полуразрушенная стела с изображением инопланетян. Или космонавтов? С мозаичной надписью: «Мы строим коммунизм!»

На поросшей земляникой поляне можно было наткнуться на остов огромного комбайна. Валялись какие-то сеялки, через которые проросли березы, покрытые мхом тракторные покрышки. Останки цивилизационной общности, которая существовала здесь лет семьдесят назад.

Разрушенных храмов немало было и раньше в этих местах. Их руины особо не изменились. Как были покинуты тогда, так заброшены и сейчас. Храмы не живут без людей.

Но говорят, у каждого из них есть свой ангел. Он совершает по утрам евхаристию.

Я все больше сожалел, что не остался у сестер хоть на один день. Я ведь мог послужить литургию в том родном для меня алтаре. Причаститься, помянуть родных и близких. Но чтобы о них помолиться, надо вспомнить их имена.

Когда стемнело, я развел костер возле поваленного дерева (оно заменило мне кровать) и немного поспал.

Рядом с моим привалом был широкий, массивный пенёк. А рядом — другой, поменьше. Слово престол и жертвенник.

Мне захотелось отслужить здесь, среди сосен, литургию.

У меня были хлеб и вино. Пластиковая кружечка — потир. Крышка от нее — дискос. Походный ножик с ложкой — копие и лжица.

Бумажные салфетки — илтон, покровцы и возду́х. А звездицу можно сделать из веток.

Я облачился в подрясник и епитрахиль. Покрыл пень-жертвенник салфетками и разложил на нем пять ломтиков белого хлеба. Это будут агнец и просфоры: богородичная, девятичинная, заздравная и заупокойная.

Я положил в кадило угли от костра и немного смолы с ближайшей сосны. Запахло дивным лесным ладаном. Совершил каждение. И, встав на колени перед пеньком (по-другому не получалось), начал проскомидию.

И когда я взял кусок батона, заменявший мне заупокойную просфору, я сразу вспомнил имена девочек — Вера и Надя.

Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Но любви не было. Была София. А как ее поминать? Я взял ломтик хлеба, символизирующий заздравную просфору. И не смог вынуть частицу.

Кто-то вышел из-под густых елей и стал возле меня. Я поднялся с колен. Сначала мне показалось, что человек одет в плащ с капюшоном. Но потом я разглядел кресты и череп и понял, что это схима.

— Не делай этого, — сказал человек. — Пойдем.

Он быстро стал удаляться, и я, подхватив рюкзак и посох, поспешил за ним. Он шел быстро. Я старался не потерять его среди деревьев.

Мы вышли на луг. Впереди протекала неширокая река. Деревянный мостик без перил был переброшен через нее.

Над лугом появился дрон. Он летел быстро и целенаправленно по направлению к схимнику.

Чернец взошел на мост. Коптер перегородил ему дорогу и завис в воздухе на уровне лица. Схимник стоял, не двигаясь вперед и не пытаясь вернуться назад. Ярко полыхнула вспышка. Видимо, дрон старался идентифицировать человека в капюшоне. И почти сразу прозвучал негромкий, словно хлопок шампанского, выстрел. Слышно было, как пуля ударила в лобную кость.

Человек некрасиво взмахнул руками и упал на мост. Тело дернулось в конвульсии, соскользнуло с моста и не всплыло.

Дрон медленно подлетел ко мне и завис перед глазами. Маленький, с четырьмя винтами. По сути — детская игрушка.

Глаза ослепила вспышка. Дрон пытался меня опознать. Но выстрела не последовало. Я изо всех сил ударил по дрону архиерейским посохом, и он упал, жужжа и трепыхаясь в высокой траве. Я ударил его еще несколько раз и стал топтать. Дрон перестал подавать признаки жизни. Единственный глаз уткнулся в землю. Из разбитой коробки торчали какие-то проводки.

И сразу же на моей руке засветился дисплей перстенька. Обычно темный, он горел ярко-красным светом, высвечивая что-то вроде знака «проезд воспрещен».

«Пожалуй, в этом перстне „маячок“. Он выведет на меня кого угодно», — подумал я.

Я подошел к мосту (на нем было немного крови) и с некоторым сожалением выбросил социальное кольцо в воду.

В кармане у меня трепыхалась «матрешка», дистанционно кем-то включенная на вибрацию. Когда я ее достал, на экране засверкали грозные предупреждения. Крупными буквами высветилось: «**НЕМЕДЛЕННО ОТВЕТЬТЕ!**»

Я отправил ее в речку вслед за «перстеньком».

Так и не сняв подрясника, я пошел дальше. Я шел несколько суток. Старался идти там, где лес погуще, и отдыхал в каких-либо естественных убежищах: под поваленными буреломными деревьями, в особенно густых кустах; один раз, как древний подвижник, — в дупле. Иногда я засыпал.

На второй день наткнулся на какую-то заброшенную территорию, окруженную ржавой колючкой, со знаками радиационной опасности на полусгнивших столбах.

Обходя ее, я угодил в болото. Когда выбрался, пришлось стирать подрысник в ручье. Он быстро высох на мне.

Ночью, светлой летней ночью я нашел наконец эту гостиницу. Двухэтажный дом с наивной надписью «София».

На веранде стояли пластиковые столы и стулья. Я присел на один из них. Ноги у меня дрожали и все качалось перед глазами. Наверное, это старость. Все-таки почти девяносто лет.

Я вспомнил, как когда-то сидел на этой веранде. Здесь по выходным была живая музыка. Люди даже танцевали. Но София в такие вечера никогда не выходила из дома. Некоторые посетители даже думали, что никакой хозяйки у гостиницы нет. Неужели все это было? Или фильм какой-то крутится во мне?

Но в доме совершенно темно, хотя вокруг нет запустения, все в порядке. Только много цветочных лепестков на пластиковых столах.

Я позвонил. Постучал. Я стучал своим архиерейским посохом в плотную металлическую дверь.

В двери кодовый замок. Когда-то я помнил код. Очень простой. День, год и месяц ее рождения. Я набрал код, но дверь не открылась.

Прильнул к оконному стеклу. В прихожей темнота. И ни света, ни звука из дома. Все звуки снаружи. Пролетел жук. Вскрикнула сова. В траве шуршит еж.

Гостиница «София» больше не принимает гостей.

Я побрел к Черному озеру, к могилам аквалангисток.

Там было не два, а три креста. Одна могила пахла свежей землей, и крест совсем новый.

Наивно было думать, что она ждет меня, как Сольвейг.

Хотя она младше на пять лет, сейчас ей восемьдесят три.

Могла бы и дождаться.

Полежав немного возле свежего холмика, я разжег кадило. Луна светила ярко и весело, как будто начался новый день, как будто началась новая жизнь и девочки никогда не погружались в Черное озеро. Я подошел и покадил его спокойные воды, я совершил каждение вокруг крестов, я кадил душистым сосновым ладаном таблички с улыбающимися лицами на фотографиях. Я кадил и читал написанные черной краской имена: Вера, Надежда, София.